

12 апреля 1961 года Гагарин осветил своей улыбкой весь Земной шар. Обаяние и слава этого уже и не человека, а полубога были так велики, что несметное число младенцев мужского пола, явившихся миру в ту пору, нарекли Юриями.

Я же родился до юрского периода.

* * *

Первая в моей жизни дурацкая история случилась как раз в те дни, когда вся моя будущая семья – отец, мать, дед с бабкой, три тётки очень разного возраста и пятнадцатилетний дядя Михаил – готовились к двум событиям: к празднованию Нового Года и к моему вероятному рождению. То, что я вот-вот появлюсь на свет, ни у кого, особенно у мамы, не вызывало сомнений: последний месяц я нетерпеливо ворочался в её животе, как медведь в берлоге, затосковавший по весне. Я подозреваю, что кое-кто из родни праздников ожидал больше, чем моего рождения, и даже боялся, как бы не произошла досадная накладка. Именно то, что вся эта нелепая история выпала на канун Нового Года, когда у части родственников было шальное настроение, хоть как-то объясняет случившееся со мной несчастье и оправдывает этих людей.

Как всё это происходило, я могу предположить и даже описать в лицах достаточно подробно по множественным, хотя и отрывочным воспоминаниям участников событий...

Итак, морозный звёздный вечер, шахтёрский посёлок. Уже водружены и светятся крашеными лампочками две ёлки: одна – перед Дворцом культуры, другая заморожена в лёд посреди катка.

Дед, хозяин дома и глава рода, сидел за столом в большой комнате и, слушая последние новости из чёрного эбонитового радио, рисовал химическим карандашом резвящихся лошадок по краю вчерашней газеты. Толстые губы его кривились – у деда был постаревший вместе с ним конфликт с правительством страны, а, попросту говоря, он ему не верил и подвергал внутреннему осмеянию всё, к чему призывали «наверху».

На кухне бабушка, бормоча, возилась в огромном тазу с разваренными пороссячьими ножками, готовила холодец. Очищенные от мяса копытца, похожие на шахматные фигурки, она складывала рядом на клеёнку.

Мой отец, запрокинув носатую птичью голову, похрапывал – ему сегодня было в «ночную».

Мама, тихая, как херувим, сидела на краю его постели и меланхолично листала журнал «Акушерство и гинекология». Делала она это не от страха перед родами – просто принимать появившихся на свет детей была её профессия.

Старшие мамыны сёстры, девицы на выданье, в тот момент развлекались неизвестно где и с кем, история тут безмолвствует, зато младшая, бряцая длинными сосульками на махровых шароварах, как венецианская люстра, только что вернулась с катка и, спешно похлебав щей из алюминиевой миски, прилежно за села за уроки.

Хулиганистый дядя, хапнув уже на чьём-то дворе тёплой шипучей бражки, теперь с беломориной в зубах прогуливался с друзьями по улицам посёлка в поисках приключений на одно место.

Около девяти часов вечера раздался простуженный скрип досок крыльца, и кто-то осторожно постучал в сени. Все, кто услышал шаги и неуверенное царапанье, оторвались от дел и вопросительно переглянулись между собой. Похоже, это был дальний гость – поселковские громко топали по крыльцу, как лошади, пинали валенками в дверной косяк, стряхивая снег, и, если стучались, то никак не в сенки, а уже в оббитую рыжеватым войлоком дверь, ведущую в дом.

– Кто там ходит? – встревожено и даже грозно выкрикнула бабушка – она не любила гостей, тем более незваных да поздних, чего нельзя сказать о дедушке, который тут же встрепенулся, омолодился и повёл плечами, будто расправил невидимые крылья. Чутьё ему подсказало, что этот вечер не так уж безнадежен. Мой дед всегда был настроен на праздник.

За дверью брякнули развешанные вдоль стены, как рыцарские доспехи, бабушкины тазы и кастрюли – неизвестный в темноте на ощупь упорно пробирался к двери. Наконец ему удалось ухватиться за ручку.

В клубах морозного пара на пороге возникла сухонькая пожилая женщина в серой шали, чёрной плюшевой шубке и с котомкой за плечами. Следом за ней вошёл мужик в овчинном тулупе и такой огромный, что увидевшим его показалось, будто на них падает стена.

Насколько боязливо и даже заискивающе пролепетала что-то гостя, настолько уверенно, по-хозяйски повёл себя её спутник.

– Здравствуйте, люди добрые! – гаркнул он и, сняв пёструю собачью шапку, швырнул её на лавку. От его свежестриженной под полубокс головы остро пахло крепким одеколоном.

Домашние невятно, пришибленно ответили на приветствие незнакомцев.

Через несколько минут выяснилось, что поздние гости совсем не посторонние люди, не приبلуды, а наоборот – очень близкие родственники из-под Воронежа, во всяком случае, женщина с котомкой. Она – родная мать моего отца, а мужик – «как бы её муж». Именно так со смешком представился сам пахучий громила, подмигнул деду и при этом залихватски крутанул щепотью седой ус. Его спутница стыдливо отвернулась к двери...

Чета с Дона приехала на Урал провести родственников, прицениться к здешней жизни и, возможно, осесть здесь в какой-нибудь из деревень навсегда.

Гостям предложено было раздеться, их усадили за пока ещё пустой кухонный стол. Бабушка (та, первая) молча убрала таз с холодцом со стола, шикнула на мою тётю, чтоб убиралась в соседнюю комнату делать уроки, и поставила на печь чугунок со щами. Дед уже нырнул в подпол, откуда позвякивал неприкосновенными новогодними запасами спиртного. Кажется, у него возникла деликатная проблема: ставить на стол магазинную водку или поселковый этикет позволяет в этом случае обойтись самогонном? Всё-таки, приехали без предупреждения, на ночь глядя... Дед нашел компромиссное решение: из погребца он выскочил, как чёрт из шкатулки, с двумя бутылками.

Кое-как, в четыре руки разбудили моего отца. Натянув штаны, он вышел к гостям.

– А-а, привет... – отец, ещё не пришедший в себя после сна и от увиденного в реальности, почесал свою лохматую голову. – Вот не ожидал, письмо бы черкнула, встретили...

– Колька, а ты всё такой же, как в и детстве, шкилет... – некоторое время женщина с тихой грустной улыбкой разглядывала своё великовозрастное дитя, потом бросила короткий взгляд на его жену, откровенно беременную мною. Одобрительно покачала головой, отягощённой уложенной в кольца толстой косой. Дескать, молодцы ребята, времени даром не теряете... Моя вторая бабушка была, как подрасток, маленькая и худенькая, с крупными натруженными руками и светло-голубыми иконописными глазами на пол-лица. Эти большие глаза и тонкие черты лица она передала в наследство своему сыну: когда отец после какой-нибудь мужской вольности виновато смотрел на свою жену, мою маму, та не выдерживала его взгляда и замахивалась на него тряпкой: «У-у, Николай-угодник, глаза сейчас вытекут!...»

Трогательной встречи матери с сыном не произошло – ни объятий, ни счастливых слёз,

ни поцелуев... Как я узнал уже в зрелом возрасте, на то были свои причины: воспитанием моего отца занимались его дед с бабушкой, с ними он пережил немецкую оккупацию, а после смерти стариков угодил в детдом, откуда бежал, а потом бродяжничал. Мать тем временем в одиночку поднимала троих дочерей – муж, сделав ей последнего ребёнка, утонул по весне, когда перевозил муку через Дон по хрупкому льду. Грустная история, в которой никто не виноват...

Между моим отцом и его матерью установились настолько прохладные отношения, что они жили по много лет, не имея никаких весточек друг о друге. Письма тоже не перепархивали от одного к другому: она была неграмотна, он же в своём беспризорном детстве, кажется, всегда находил занятия поинтереснее, чем чтение классики, а тем более – синтаксис и орфография: до самой смерти отец испытывал перед чистым листом бумаги какой-то дикарский страх.

Если бы мать моего отца приехала в гости одна, вечер прошёл бы тихо, уютно, за полночным чаепитием, женским щебетанием, охами да вздохами, у деда – потенциального осквернителя благолепия – были бы отобраны бутылки, а его самого отконвоировали бы окриками в постель. С шепутным стариком семья уже имела большой опыт борьбы, свои испытанные приёмы, неплохо показавшие себя на практике и отработанные до автоматизма – на него, затеявшего очередной переворот и смену власти в доме с демократии на диктатуру, семья наваливалась гуртом и легко упедаливала полотенцами в течение пятнадцати минут.

«Как бы муж» моей новой бабушки оказался семье не по зубам – его было много. Очень много. Целая гора. С действующим вулканом на вершине, сотрясавшим в округе воздух и наполнявшим его чесночно-одеколонным духом. Моя тихая – по большому счёту – семья не привыкла к таким объёмам, звучанию и манерам. Пришелец горланил, громко хохотал, поднимал стол пузом, когда тянулся за хлебом, хлопал деда по плечу так, что потревожил ключицу, поломанную в шахте ещё в годы войны. И ел, ел, ел. А ещё больше пил. У щедрого на застолья деда, как у ребёнка, наворачивались слёзы, когда он видел, в какую бездну, в прорву уходят его сокровенные «четушки» и «бомбы». Первое время он пытался не отставать, но вскоре не выдержал гонки, сломался и сошёл с дистанции – отец, собиравшийся идти в ночь на работу и поэтому непьющий, оттащил своего тестя на кровать. Прежде, чем скрыться за ливной занавеской в горошек, дед из последних сил погрозил гостю жёлтым ногтем. Мол, не балуй тут, я всё вижу и ещё вернусь.

Отсутствие главного хозяина за столом ничуть не смутило гостя. Он непрерывно выдавал «на-гора» тосты и сам же пил: женщины сидели перед рюмками с наливкой и на его здравницы с испуганной синхронностью кивали головами – да-да-да... Между тостами «как бы

муж» учил женщин, как правильно делатьпельменное тесто, сеять морковь, хранить картошку, перекрашивать самогон, в какое время закрывать вьюшку, чтобы дольше удержат в доме тепло. Моего отца, уже надевавшего «москвичку», спросил, кем он работает на заводе, и тут же выдал несколько советов, как нужно стропить груз. И этого всезнайке-громиле показалось мало: громоподобным окриком он вызвал мою младшую тётю из соседней комнаты и попросил показать дневник...

Хозяйки дома, бабушка и моя мама, очень рассчитывали, что гостя наконец-то успокоит своего спутника, но тут они ошибались: она, чуть дыша, смотрела на него снизу вверх светло-голубыми влажными глазами с собачьей преданностью и обожанием.

Ближе к полуночи вернулись гуляки – две тётки, разбурявшиеся от поцелуев у калитки, и дядя Михаил, дышащий через раз и норовивший как можно быстрее нырнуть в постель. Происходящее за столом ввергло их в состояние лёгкого шока.

Тёток великан усадил по обе стороны возле себя, между делом огладив их по налившимся женской спелостью задкам. Свою худосочную «как бы жену» он одним движением руки смахнул к краю стола. Михаилу вовсе не нашлось места среди пирующих, и он поставил свою тарелку на крышку бачка с питьевой водой, стоящего в углу комнаты.

Через пятнадцать минут все мои тётки уже были женаты на «племяшах» пришельца, а дядя устроен на работу шофёром в какую-то казачью станицу. Неугомонный тамада, решив обмыть эти радужные семейные перспективы, в очередной раз нырнул по проторенной дорожке в подпол и, когда уже брякнул на стол по бутылке «беленькой» и «красненькой», произошёл небольшой казус. Выяснилось, что в доме закончилась вся еда. Нет, конечно, что-то съесть ещё было можно – в том же подполе на полках рядами стояли пыльные трёхлитровые банки с соленьями и вареньями, но гость под водку предпочитал только мясо. Или сало. Но никак ни «этот силос». Он прямо так об этом и заявил и вопросительно, с уже затаившимся во взгляде упрёком посмотрел на хозяек.

– Ну, если только холодец... – пробормотала бабушка. – Так он ещё не остыл.

– О! А говоришь, что ничего больше нет... Давай, мать, мечи на стол!

О том, как «как бы родственник» поедал это варево, а, по сути, тёплый свиной бульон с чесноком и луком, моя мама вспоминала десятилетия спустя. Дело в том, что бабушка, желая, «чтоб пузан лопнул и больше ничего не просил», налила ему не тарелку, а средней величины таз «недохолодца». Она была уверена, что после такой дозы человек просто не выживет.

– Отличная хавка! – воскликнул гость и... покрошил в таз с полбулки хлеба.

Лучше б бабушка не давала ему этот холодец! Хотя кто мог предположить, что после

того, как он будет уничтожен, а водка выпита, случится следующее...

Великан почувствовал новый прилив вдохновения. Он тоскливо оглядел кухню, вяло заинтересовался трещиной на потолке возле умывальника. Нет, хотелось чего-то большего, иных просторов. Потом новатор перевёл взгляд на сидящих перед ним людей и тут с удивлением и радостью обнаружил, что остался-таки в доме человек, в судьбу которого он ещё никоим образом не вмешался.

Это был бедный я, на тот момент прятавшийся в мамином животе.

– Когда принесёшь мне внука? – облизывая жирную ложку, бесцеремонно, как самый близкий родственник, спросил гость мою маму.

– Почему же обязательно внука... А может, девочку? Вот в медицинском журнале пишут, что пол ребёнка... – от смущения и досады на такую бестактность мама стала умничать. Желая защитить меня, она даже прикрыла живот руками.

– Внука, внука давай быстрее, и нечего там рассусоливать, – громила погрозил пальцем, отчего мама покраснела ещё больше. – Как кликать-то будете?

– Вы что имеете в виду?

– Имя уже придумали парню?

– Н-нет ещё...

– Да? – радостно воскликнул гость и повернулся к маме вместе со стулом. – Ну, тогда назови его...

Как далее повёл себя этот Пантагрюэль Дона, в воспоминаниях очевидцев имеются некоторые незначительные для людей посторонних но существенные для меня разногласия. Одни говорят, он, якобы, надолго задумался, прежде, чем назвать имя, и даже подпёр щеку кулаком, величиной с небольшую дыню. Другие утверждают, имя «Борька» выскочило из уст гостя сразу, будто уже сидело во рту, как в засаде, и ждало только удобного случая.

Следующие нюансы: куда смотрел «как бы муж» моей бабушки, после чего произнес имя Женская часть очевидцев успокаивала меня тем, что «наименователь» разглядывал мамин живот словно пытался по его формам и размерам предать ставить меня. Единственный свидетель мужского пола, ехидный дядя, клянётся, что имя моё было произнесено после того, как гость заглянул в ведерную кастрюлю, где оставалось ещё немного свиного холодца.

Я почувствовал, что по ту сторону живота мне готовится какая-то гадость, и обиженно дёрнулся...

– Ну, всё, решено, – довольный проведенным вечером, громила наконец-то встал из-за стола. – Через три недельки мы с матерью вернёмся и как следует, – был сделан упор именно на эту фразу, – отпразднуем Борькино рождение.

Вернувшись со двора, гость бросил на пол возле печки свой тулуп, лёг на него и тут же захрапел. В шкафу тоненько задребезжала посуда...

Так я получил своё имя.

Конечно, довольно странная и нелепая история. Даже обидная. Получить на всю жизнь имя от человека вообще постороннего, что называется, «левого», неизвестно откуда взявшегося на мою беду. Не каждому так везёт. Но самое удивительное в этой истории то, что с его мнением безропотно смирилась вся родня, как будто они в тот предновогодний вечер давали имя не продолжателю рода, а какому-нибудь прибывшемуся ко двору щенку.

Почему смирилась мама, женщина достаточно строптивая и своенравная, мне тоже непонятно. Потом она не раз говорила мне, что хотела дать мне имя Володя, но не в честь Ленина, как назвали моего непутёвого двоюродного братца, а в память о своей любви к золотисто-кудрявому коренастому матросу Северного Флота. Даже после моего рождения он некоторое время забрасывал маму душещипательными письмами и пышными букетами цветов, нарисованными цветными карандашами на картонках из-под обуви, – морячок в свободное от несения службы время баловался живописью.

Родственники, участники этого, чуть не сказал, трагического события, как я догадываюсь, всё же чувствовали свою вину передо мной. Через несколько лет они решили завести поросёнка. Так же, как и в истории со мной, встал вопрос, как назвать этого крючкохвоста. Родственники сгруппировались вокруг посылочного ящика, в дне которого на охапке сена сопел розовый хрюшка. Пошептавшись меж собой, они разом посмотрели на меня и единодушно покачали головами: «Так мы называть поросёнка не будем».

Не знаю, кого этим они хотели успокоить: меня или свинячьего детёныша...

* * *

Я родился ровно через три недели, в ночь на старый Новый год.

Родственники с Дона так и не пришли поздравить моих родителей. Мою вторую бабушку я увидел, когда уже учился в школе, а её «муж» так и остался навсегда «как бы» – громила бросил её и ушёл куда-то дальше перекраивать и переиначивать окружающий мир. Возможно, давать чужим детям имена, чтобы оставить на земле хоть какую-то память о себе...